

Нина Терентьева Большой театр любит. А он её?

Взвешенный кассуб. - 1992. - 27 авг.

Парадоксально, но факт: имя солистки Большого театра Нины Терентьевой сегодня гораздо лучше знают на Западе, чем в России (в этом, впрочем, она не одинока). Ее выступления проходят на самых знаменитых сценах мира, а в Москве новых работ певицы мы не видим уже лет пять.

— Сколько спектаклей успели в Большом в прошедшем сезоне?

— Очень мало, всего четыре или пять.

— Недавно промелькнула информация (кажется, в «Известиях»), что вам в Большом понизили зарплату.

— Как заявила дирекция, я много езжу и мало пою в театре. Но моя ли вина, если спектаклей иногда приходится ждать месяцами: репертуар оскудел, петь почти нечего, а тут еще пресловутая «кочередь»... Впрочем, если уж на то пошло, я пою не меньше, чем кое-кто из тех, кому оставлены высокие ставки. Видимо, нашим начальникам трудно пережить, что меня приглашают лучшие театры мира, вот и решили «наказать».

Я уже пятнадцать лет в Большом и десять из них сидела на месте, никуда не ездила и пахала за всех, получая за это четыреста рублей. И никто тогда не интересовался, почему это я пою все, а вот получаю... далеко не все. Только два года назад

мне сделали наконец высший оклад и теперь вот отняли.

— Жалеете, что ушли из Мариинки?

— Все-таки нет — даже сегодня. Я люблю Большой театр, люблю, несмотря ни на что. И я люблю Москву. Петербург — очень тяжелый город, все десять лет, что я там жила (училась в консерватории, с третьего курса пела в театре), мне было... тяжело. А Москва — легкий город.

Хотя, конечно, Мариинский театр ныне — и по опере, и по балету — впереди России всей. Меня просто восхищает Валерий Гергиев, с удовольствием вспоминаю, как пела с ним «Саламбо» Мусоргского на юбилейном фестивале. Там, кстати, сыграли все его оперы, а у нас протажили древних «Бориса» и «Хованщину», идущих аж со сталинских времен...

Как и больно говорить, но Большой театр деградировал ужасно. Иной спектакль послушаешь — просто уши вьнут. Но никто не контролирует уровень, да и вообще никого ничего не волнует, кроме своих дел и делишек. А какое отношение к людям? Помню «Царскую невесту» — 85-летие Димитриади. Прекрасно старик дирижировал, темпераментно — это в такие-то годы! Но никто из начальства не вышел, словечка не сказал. Даже цветочка не подарили. Мне было так стыд-

но... А как буквально выпихивают людей на пенсию, безобразнейшим образом.

— Как началась ваша международная карьера?

— Меня наконец услышал известный австрийский импресарио Руди Рааб — с ним я и сейчас работаю в Европе. Он приезжал сюда, всех слушал, а обо мне ему говорили уже много раз... Дебютом на сценах «высшей лиги» считаю «Трубадура», которого пела в Вене года четыре назад вместе с Натасей Троицкой — остальных уже не помню. Сейчас вот только вернулась из Нью-Йорка: в «Метрополитен опера» пела «Карлоса» с замечательным маэстро Джеймсом Ливайном. В спектакле участвовал также известный наш баритон Володя Чернов — он уже два года живет в Нью-Йорке вместе с семьей... Конечно, я тоже могла бы там снять квартиру и перебраться — в работе недостатка бы не было. Но больше двух месяцев я нигде не выдерживаю — домой тянет. Я не очень люблю Америку, да и в Европе все чужое, даже земля другая. (Поет). «Иное все — и небо, и земля...». Тянет в родную страну — понюхать этого всего... чтобы тебе плюнули лишней раз в физиономию...

Нет, я совершенно не сориентирована на Запад. Приглашают — еду, потому что это — творческая радость,

которой в последнее время так недостает здесь; потому что это — материальное благосостояние. В конце концов, чтобы не потерять форму. У меня все расписано до 94-го года, и дома, к сожалению, бываю редко. Дочка часто со мной разлучается, я ей звоню из любой точки земного шара: она ведь в школе учится, взять с собой нельзя. А дома очень тяжелые условия: втроем в однокомнатной квартире, нгде отдохнуть как следует, усталость наслаивается на усталость, и сил, чтобы поездить, например, по России с концертами, просто не остается...

— Представим, что вас приглашает руководство Большого театра и спрашивает: что бы вам хотелось здесь спеть?

— Амнерис в «Аиде». Я ее уже пела, когда только пришла в театр: был прекрасный спектакль на сцене Кремлевского Дворца.

Сегодня у нас в театре практически не идет Верди — как же можно жить без него?

А вообще-то все это пустые мечты: никто меня не пригласит и ни о чем не спросит. Они ведь пришли сюда руководить, а не заботиться о певцах, об искусстве.

А я? Только что подписала контракт с Риккардо Мути — в 93-м году в «Ла Скала» буду петь «Бал-маскарад». Еще у меня на будущий сезон «Дон Карлос» в Сан-Франциско, «Трубадур» в Мюнхене. Для театра «Колон» в Буэнос-Айресе готовлю Сантуццу и Даллилу.

— А в Большом театре?
— Не знаю. Спросите что-нибудь полегче...

Беседовали
Дмитрий МОРОЗОВ
и Георгий ОСИПОВ.
На снимке: Нина Терентьева в роли Кармен.

Фото
Андрея СТЕПАНОВА.